

Даниил Викторович Семикопов –

кандидат философских наук, историк
русской религиозной мысли

Симфония

СВЯЩЕНСТВА И ЦАРСТВА: византийское наследие в современной практике церковно- государственных отношений

Один Бог на небе, один император на земле — вот суть византийской имперской идеи. Языческий Рим не знал разделения сферы власти на духовную и светскую составляющие. Император был не только высшей гражданской властью, но и духовной. Неслучайно он носил титул *pontifex maximus* — главный жрец. Но помимо того, что он был главным жрецом, он еще и обладал божественным гением (даймон, *греч.*). Имевшее восточные и эллинистические параллели обожествление римских императоров было одной из главных причин гонений на христиан, не признававших божественность кесаря и отказывавшихся приносить жертвы его демону-покровителю.

Первые три века истории христианства Римская империя устраивала го-

нения на христиан, причем на вполне законных основаниях. Но в эпоху императора Константина она признала Церковь. Это было историческим чудом. Вместо *Pax Romana* пришло время *Pax Christiana*. Нам сейчас сложно представить весь масштаб тех событий. Империя, объединявшая весь мир, языческая по своей сущности, вдруг подала руку Церкви. Это не могло не привести к зарождению в христианской среде теократических надежд.

Современники тех событий воспринимали обращение императора как торжество христианства и трансформацию императорской власти в орудие промысла. Ведь изначально, со времен Августа, империя действительно поддерживала мир, создавая тем самым условия для христианской проповеди. Единый язык, разветвленная сеть дорог и сравни-

Генрих Семирадский. Светочи христианства (Факелы Нерона). 1882

тельная безопасность путешествий позволяли развиваться не только торговле, но и христианскому миссионерству. Это было ясно еще до императора Константина, и христианские апологеты уже во II веке, наряду с критикой языческой империи, говорили и о провиденциальной богоустановленности власти римских императоров.

Только века спустя византийское наследие в христианстве получит неоднозначную оценку. Как в протестантской, так и католической среде византизм будет оцениваться в основном негативно. Даже в восточнохристианской традиции вовсе не все млеют от этого слова. В век Просвещения общепринятым стало утверждение, что в Византии Церковь была порабощена государством, а власть императоров была обожествлена. Эта концепция получила название цезарепапизма. Возникнув в протестантской среде, она обвиняла православный Восток в нарушении заповеди отдавать кесарю кесарево, а Божие Богу (Мф. 22: 21).

Между тем императоры играли в Церкви совершенно особую роль, и византийская эклесиология (учение о Церкви)

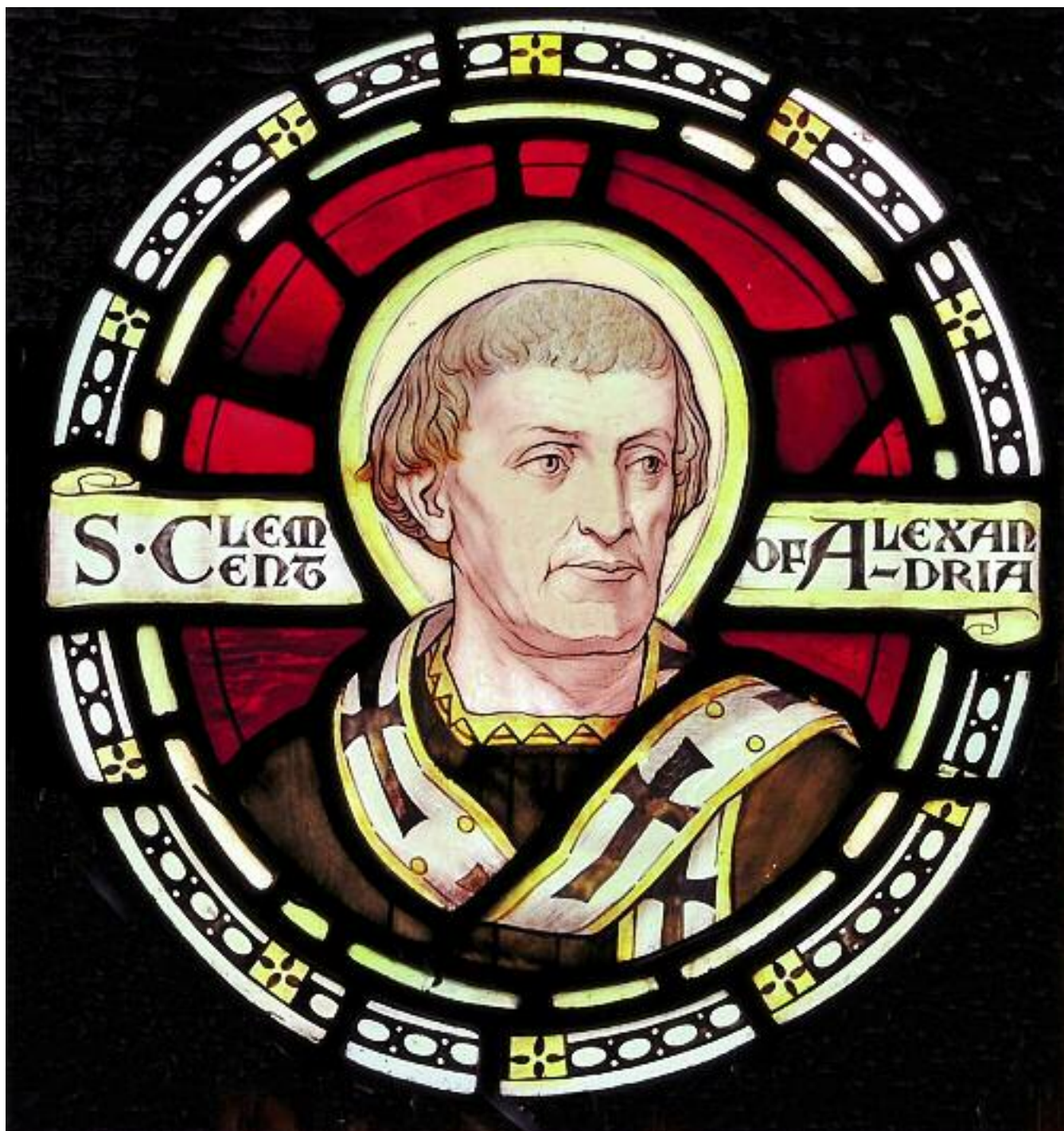
Имевшее восточные и эллинистические параллели обожествление римских императоров было одной из главных причин гонений на христиан, не признававших божественность кесаря и отказывавшихся приносить жертвы его демону-покровителю.

просто непонятна без анализа роли императоров в Церкви. А роль эта была совершенно особой, так как в пределах Византийской империи именно император обеспечивал единство Церкви. Да и термин «вселенский» был тесно связан с императорской властью, ведь границы вселенной (Ойкумены) фактически совпадали с границами империи.

Когда мы говорим о том, что Церковь — вселенская, то не совсем ясно, что же обеспечивает эту вселенскость на историческом земном уровне. У нас нет видимой и осязаемой структуры, которая задавала бы подобное единство. А тогда она была — такой структурой являлась власть византийского императора. Император имел вполне конкретное служение в Церкви. Он был защитником христианской Ойкумены и проповедником христианства вне ее. Таким образом, миссия императора состояла в защите и распространении истинной христианской веры.

Уже император Константин осознавал собственную миссию и называл себя «епископом внешних дел Церкви», с чем и связан его титул равноапостольного. Именно он предпринял первую попытку согласовать христианский и императорский культы, что нашло наиболее полное выражение в строительстве мавзолея святых апостолов. В этом мавзолее находились символические гробницы двенадцати апостолов, а реальная гробница императора Константина стала тринадцатой, расположенной по центру посреди остальных, находившихся по периметру мавзолея. Таким образом, император Константин позиционировал себя в роли тринадцатого апостола, которым в церковной традиции является апостол Павел, просветитель язычников.

Единство веры формирует единство империи, а потому вероучительные вопросы начали приобретать для Византии жизненную важность, стремление к установлению

Со времен Августа Римская империя действительно поддерживала мир, создавая тем самым условия для христианской проповеди. Христианские апологеты уже во II веке, наряду с критикой языческой империи, говорили и о провиденциальной богоустановленности власти римских императоров.

единства стало основным мотивом религиозной политики императоров после Константина. Естественно, что на этом пути конфликты были неизбежными. Попыткой их избежать явилась теория симфо-

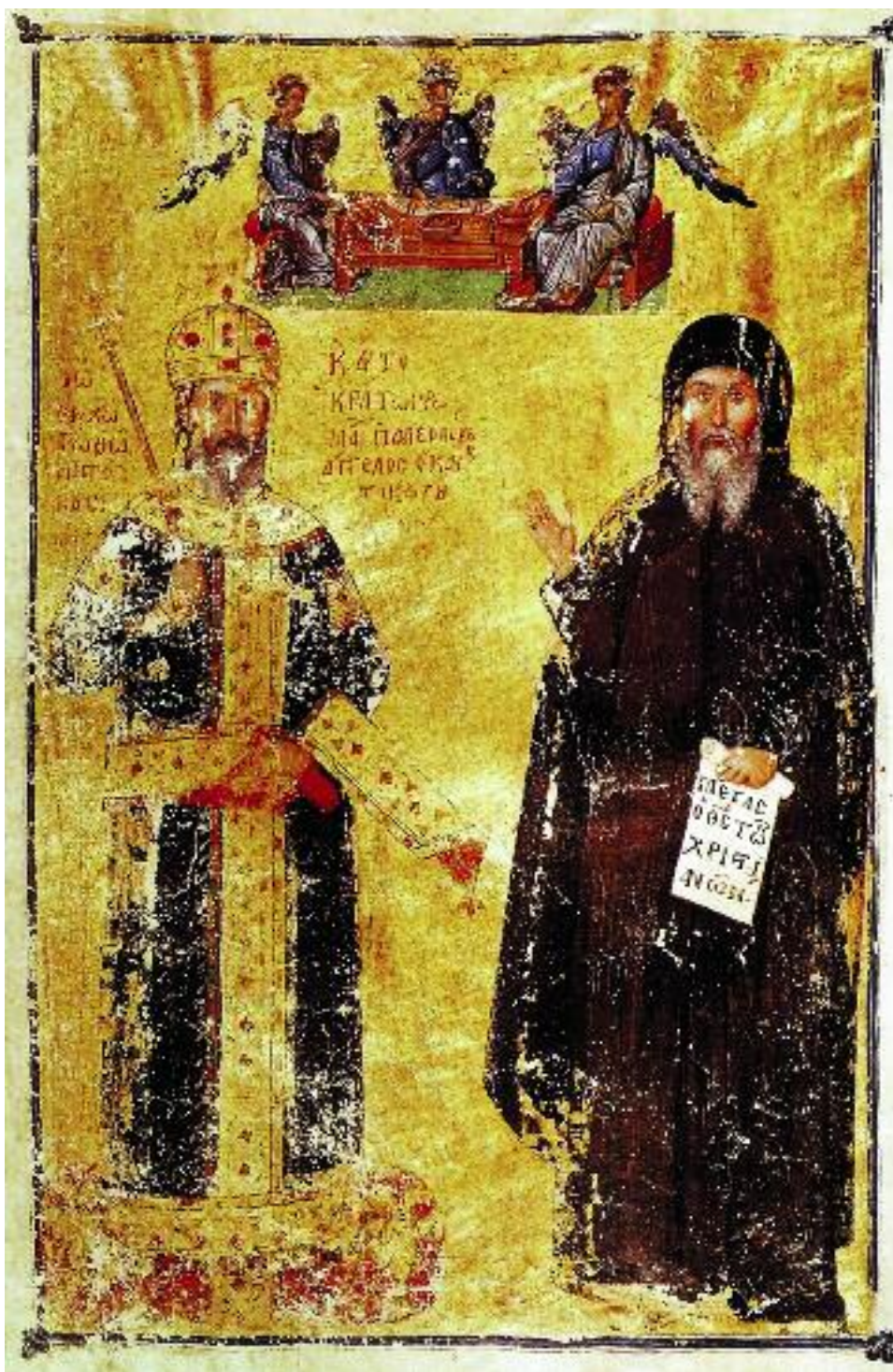
нии Церкви и империи, предложенная императором Юстинианом, но ей не удалось стать панацеей от всех опасностей в этой сфере. Можно вспомнить историю римского папы Вигилия, поставленного

Юстинианом, но не оправдавшего церковно-политических надежд императора. Чего стоит один только известный эпизод, когда посаженный под домашний арест в Пластидианском дворце Константинополя папа Вигилий бежал в церковь апостола Петра в Константинополе, что само по себе символично. Оттуда его пытался вытащить взвод преторианцев. Ухватившегося за колонну сени над престолом

папу тянули за бороду и ноги, пока не подломили колонну и не обрушили сень на престол. В результате папа чуть не погиб, но был освобожден возмущившимся народом. Впрочем, это не спасло его от дальнейшего давления со стороны императора. Так что сам святой Юстиниан, не задумываясь, нарушал границы симфонии, если считал это необходимым для мира империи.

Печальным и переломным моментом в истории церковно-государственных отношений в Византии стало возникновение религиозных учений монофелитства и иконоборчества. Если до VII века новые учения возникали в церковной среде, то монофелитство было изобретением императора Ираклия и патриарха Сергия и не привело к единству, а только усилило разделение среди христиан. Еще страшнее для Церкви оказалось иконоборчество. Его родоначальник, император Лев III, уже открыто провозгласил себя одновременно иереем и царем. Особый ужас современников вызывало то, что в данном случае ересь исходила от императоров, на которых лежала обязанность сохранения христианского мира. Так, анонимный византийский историк в IX веке взирал на иконоборчество как на особенно губительную ересь, «ибо она разрушает домостроительство Божие». Он восклицал: «Познайте разницу между императором и иереем! Древние ереси происходят из споров о догматах и вызревали постепенно, тогда как эта изошла из самого императорского могущества».

Но в истории Византии были не только периоды цезарепапизма, встречались и противоположные тенденции папа-цезаризма, которые, впрочем, никогда не разрастались до западных масштабов, но тем не менее были весьма симптоматичными.

Император Иоанн V Палеолог. XIV век

В пределах Византийской империи именно император обеспечивал единство Церкви. Да и термин «вселенский» был тесно связан с императорской властью, ведь границы вселенной (Ойкумены) фактически совпадали с границами империи.

В период иконоборчества (начало VIII — середина IX веков) в борьбе императоров и монахов выиграли последние, и в результате произошло усиление власти церков-

ной иерархии. Симфонические качели поменяли свое положение, вознося власть патриарха и принижая власть императора. Главным представителем новой формации

Апостолы Петр и Павел являются во сне императору Константину. XIII век

Константин предпринял первую попытку согласовать христианский и императорский культы, что нашло выражение в строительстве мавзолея святых апостолов. Он позиционировал себя в роли тринадцатого апостола, которым в церковной традиции является апостол Павел.

в эту эпоху был константинопольский патриарх Фотий, активно участвовавший в политической борьбе. Одним из главных результатов его деятельности было невиданное возвышение Константинопольского патриархата. На Востоке существовали еще три патриархата — Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. До середины V века за первенство в церковной сфере с Константинополем боролась Александрия. Вплоть до начала арабских завоеваний в VII веке Константинополь всегда считал-

ся с властью других поместных Церквей. Арабские завоевания, оторвавшие территорию восточных патриархатов от христианской Римской империи, вкупе с ослаблением власти императоров создали почву для усиления власти константинопольских патриархов. Итогом этого процесса стало принятие на Софийском соборе 879–880 годов первого канона, провозглашавшего, что не только римские клирики, отлученные или осужденные церковным судом, не должны приниматься Константино-

полем, но и наоборот — восточные клирики не могут апеллировать к папе. Этот канон, отвергая то право апелляции, которым Рим часто злоупотреблял, вместе с тем превращал Константинополь во второй духовный центр, равнозначный первому. Константинополь и Рим поделили христианский мир, что и стало основной причиной разделения Западной и Восточной церквей.

Характерна в этом отношении личность константинопольского патриарха Михаила Керулария, при котором официально и произошло это разделение в 1054 году. До того как стать патриархом, он активно участвовал в политической жизни, известно, что его брат покончил с собой из-за неудавшегося переворота 1043

года. Заняв патриарший престол, он попытался взять реванш. Уже после печальных событий 1054 года он устроил государственный переворот, отправил императора в монастырь и посадил на его место своего ставленника, который, в свою очередь, низверг патриарха. Но в период апогея собственного могущества Михаил Керуларий все же добился для себя права ношения пурпурных сандалий, знака императорской власти, к немалому шоку византийцев, не привыкших к подобному «папизму».

Таким образом, симфония нарушалась в сторону не только цезарепапизма, но и папцезаризма. Из этого как раз следует, что нормой религиозного византизма являлась именно симфония, а все остальное оказывалось нарушением нормативных отношений. Но такие нарушения исторически неизбежны. Ослабление одной из сторон неминуемо ведет сначала к усилению другой, но потом к крушению всей системы в целом.

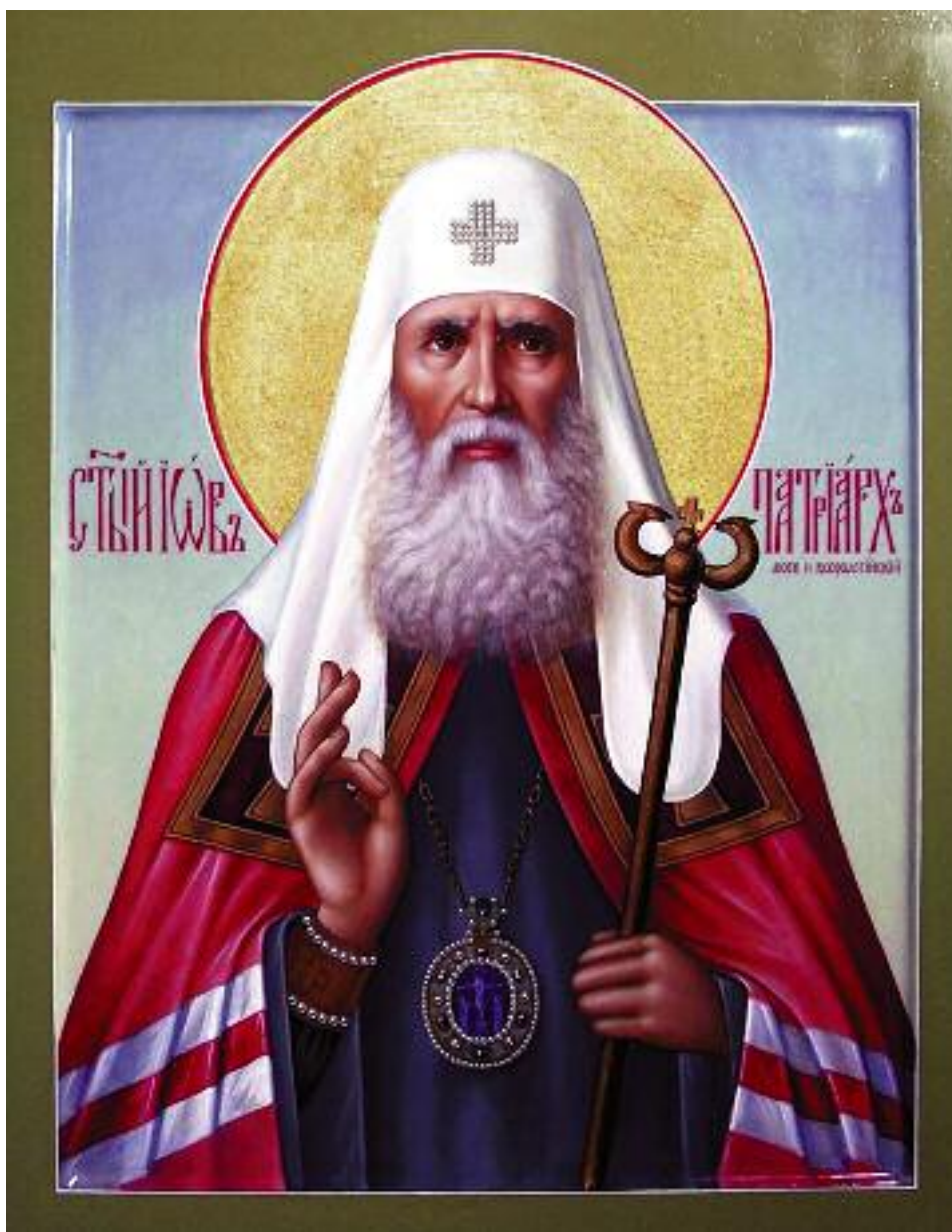
Попыткой избежать конфликты явилась теория симфонии Церкви и империи, предложенная императором Юстинианом, но ей не удалось стать панацеей от всех опасностей в этой сфере. Сам святой Юстиниан нарушал границы симфонии, если считал это необходимым для мира империи.

Это и произошло с Византией. В дальнейшей истории империи наблюдалась все та же динамика: ослабление власти императоров и усиление власти патриархов. Это превратило византийского императора из «епископа внешних дел Церкви» в помощника и защитника власти патриарха. В поздней период в Византии император частично утратил свой священнический статус. Такая перемена отражала и объективную историческую реальность: Византийская империя сжималась, как шагреновая кожа, а власть патриарха Константинополя по-прежнему распространялась на весь Восток. Впрочем, ослабление власти императора неизбежно умаляло и реальный статус патриарха, пусть номинально и сохранявшего первенство, но с падением Византийской империи превратившегося в чи-

новника при исламском дворе, что поставило его в крайне унижительное положение.

■
Русь оказалась преемницей Византийской империи, что отразилось в знаменитой концепции «Москва — Третий Рим». При этом Москва явилась наследницей Византии прежде всего в религиозном аспекте — она переняла не императорскую власть, а статус хранительницы истинной веры. Таким образом, русский царь оказался в первую очередь хранителем религиозной истины.

Но уже в XVII веке, в правление царя Алексея Михайловича, имперские идеи витали в воздухе. В принципе еще избрание первого русского патриарха в 1589 году явилось характерным симптомом роста самосознания русских царей — статус московского царя тре-

Избрание первого русского патриарха в 1589 году явилось симптомом роста самосознания русских царей – статус царя требовал наличия патриарха. Симфония хотя и декларировалась на Руси, но никогда не имела полноценного воплощения. Царь играл в этом оркестре первую скрипку.

бовал наличия патриарха. Избрание патриарха было именно государственной инициативой, из чего видно, что симфония хотя и декларировалась на Руси, но никогда не имела полноценного воплощения. Царь, безусловно, играл в этом оркестре первую скрипку.

Только патриарх Никон попытался поставить царя на место, вдохновившись типично за-

падной моделью зависимости светской власти от власти духовной. Но «папистские» начинания патриарха Никона не нашли поддержки и были главной причиной его падения. Более того, они имели одним из своих следствий церковные реформы Петра Великого, упразднившего патриаршество. Патриарх Никон вдохновлялся католической по сути идеей превосходства

духовной власти над светской, уподобляя власть патриарха Солнцу, а власть царя – Луне, сияющей отраженным солнечным светом. Неудача Никона стала роковой для института патриаршества, который был устранен Петром, стремившимся к утверждению абсолютной власти в государстве. Противоположное движение симфонических качелей привело к сакрализации царской власти – сакрализации, доходившей до абсурда.

Синодальная эпоха была торжеством власти российских государей, ставших императорами. Но это была не столько революция, сколько вполне закономерная эволюция. Синодальная эпоха и сейчас удостоивается противоположных оценок. Одни считают ее эпохой расцвета церковной жизни, другие – периодом порабощения Русской православной церкви государством. Обе оценки представляются неверными из-за своей категоричности.

Так, если пленение и было, то оно оказалось для Церкви очень плодотворным – привело к росту духовного просвещения, появлению оригинальной богословской мысли. Русская земля в XVIII–XIX веках дала вселенской Церкви множество великих святых – преподобного Серафима Саровского, святителя Тихона Задонского, оптинских старцев и многих других святых. То есть с этой точки зрения синодальная эпоха меньше всего похожа на упадок.

В то же время засилье императорской власти было. Петр Великий принял титул императора и отца Отечества (*pater patriae*), носимый римскими кесарями. А отсюда было уже недалеко и до главы Церкви на протестантский манер, которым он формально и стал в 1721 году. То, что этот шаг был явным нарушением принципа византийской симфонии, со-

мнения не вызывает. Власть императора исключила власть патриарха, и всякое независимое церковное правление стало восприниматься как поползновение на единодержавную власть царя. Подобные абсолютистские установки усугублялись невиданной до толе сакрализацией власти.

Правая рука императора Петра по духовным делам, архиепископ Феофан Прокопович, то и дело называл Петра «Христос» и «Бог». Известен анекдот, когда он встретил Петра, шедшего поздно вечером на очередную пьянку, возгласом: «Се Жених грядет в полночи!» Но помимо анекдотов, эта тенденция нашла свое воплощение и в литургических текстах, в частности, в службе по случаю победы под Полтавой, составленной Феофилактом Лопатинским. В ней Петр сравнивался с Христом, а Мазепа – с Иудой. Мазепа был включен в число еретиков, анафематствовавшихся в чине Торжества православия на первой неделе Великого поста, и был исключен оттуда уже после 1917 года. Симптоматично для синодальной эпохи и то, что государственное преступление Мазепы рассматривалось как религиозная ересь.

Весь XVIII век указанная тенденция только усиливалась. Достаточно обратиться к барочной придворной поэзии той эпохи. Так, Михаил Ломоносов, не стесняясь, воспевал Петра Великого следующим образом:

*Он Бог, он Бог твой был, Россия,
Он члены взял в тебя плотския,
Сошед к тебе от горьких мест.*

Известно, что в народной среде портреты императрицы Екатерины II почитались, как иконы, и перед ними возжигались свечи. К чести императрицы Екатерины следует заметить, что она сама сопротивлялась собственному обожеств-

Алексей Антропов. Портрет Петра I. 1713 или 1716

Неудача Никона стала роковой для института патриаршества, который был устранен Петром, стремившимся к утверждению абсолютной власти в государстве. Противоположное движение симфонических качелей привело к сакрализации царской власти – сакрализации, доходившей до абсурда.

Русская земля в XVIII–XIX веках дала вселенской Церкви множество великих святых – преподобного Серафима Саровского, святителя Тихона Задонского, оптинских старцев и многих других святых. То есть с этой точки зрения синодальная эпоха меньше всего похожа на упадок.

лению.

Конечно, следует помнить о том, что культура барокко предполагала метафорическую игру, что слово «бог» могло игриво употребляться с отсылкой к античным богам. Но как тогда быть с императором Павлом I, ко-

торый, в отличие от своей матери, воспринял такую игру очень серьезно? Если император Петр I упразднил патриаршество, то император Павел I решил сам стать патриархом. Сразу же после коронации он хотел лично служить литургию, намеревался стать духов-

ником собственной семьи и высших государственных сановников. Если Петр Великий себя главой Церкви все-таки не называл, то император Павел принял подобное наименование. Более столетия спустя митрополит Антоний (Храповицкий) назвал это одним из величайших грехов русской монархии и одной из причин ее падения. Но тогда современные императору иерархи пошли другим путем. Они указали, что каноны православной Церкви запрещают совершать святые таинства священнику, который женился во второй раз, то есть фактически признали за ним священство.

В результате произошло не просто упразднение патриаршества, но перенесение на царя священных функций патриарха. Более того, почитание царя ставилось рядом с почитанием святых, и культ царя оказался неотъемлемой частью религиозного культа. Это был явный перебор, который стал замечаться самими представителями Русской церкви в XIX веке. Особенно ситуация обострилась к концу XIX века. Отношения между последним императором и членами Синода нельзя назвать безоблачными. В среде духовенства в начале XX века сложилось представление о том, что любая политическая форма в равной мере приемлема для Церкви. Даже в среде епископата пошли разговоры о цезарепапизме и о пленении Русской церкви государством. При этом очевидно, что с самого начала некоторые из придерживавшихся подобного мнения архиереев пребывали в заблуждении, считая, что действительно возможна такая форма церковно-государственных отношений, когда государство не только ничего не требует от Церкви, но и поддерживает ее и политически, и материально.

В воздухе начали витать мечты о восстановлении патриаршества. Сейчас вопрос о том, что было бы, если бы патриаршество было восстановлено, представляется чисто академическим. Представляется, что царское правительство было достаточно реалистичным и потому сопротивлялось подобным церковным реформам. Восстановление патриаршества вызвало бы неизмеримое количество сложностей. Необходимо было бы вводить новую ветвь власти на не вполне понятных основаниях и пересматривать структуру управления и законодательство империи.

Безусловно, священноначалие Русской церкви допустило в начале XX века грубые просчеты в области церковно-государственных отношений. Разговоры о цезарепапизме, равнодушие к судьбе монархии со стороны многих архиереев, критика в адрес царя раскачивали и без того нестабильную ситуацию. Поведение же Синода в феврале–марте 1917 года формально можно назвать преступным, так как Синод отказался от поддержки монархии в период междуцарствия, дал присягу Временному правительству и понуждал к этой присяге других, а также ничего не сделал для самого царя и царской семьи. В итоге освобождение от опеки царской власти привело не к свободе, а к гонениям на Русскую церковь и к уничтожению русской православной культуры, верным защитником которых был царь. Характерна в этом плане судьба одного из первых новомучеников — митрополита Киевского Владимира (Богоявленского). В марте 1917 года он лично помогал выносить обер-прокурору Владимиру Львову царское кресло из зала заседаний Синода. При этом архиепископ Арсений Новгородский прокомментировал

Владимир Боровиковский. Император Павел. 1800

В синодальный период власть императора исключила власть патриарха, и всякое независимое церковное правление стало восприниматься как поползновение на единодержавную власть царя. Подобные абсолютистские установки усугублялись невиданной дотоле сакрализацией власти.

подобный шаг: «Вот выносят символ цезарепапизма!» Но уже в январе 1918 года митрополит Владимир был убит большевиками, причем по

подстрекательству монахов Киево-Печерской лавры. И это стало возможным именно вследствие уничтожения «цезарепапизма».

Отношения между последним императором и членами Синода нельзя назвать безоблачными. Даже в среде епископата пошли разговоры о цезарепапизме и о пленении Русской церкви государством.

То есть сто лет назад в России проявились те же процессы, что и веками ранее в Византии. Когда власть ослабла, церковная иерархия попыталась взять реванш, поставив под сомнение сам принцип монархической государственности, — чего никогда не было в Византии, где патриарх не мыслился без императора. Это явилось одной из причин кру-

шения Российской империи и сделало возможными гонения на православных христиан при советской власти.

■ С начала IV века и до начала XX века священство и царство в православном мире находились в симфонических отношениях. Эта симфония никогда не была идеальной, но

союз мог оказываться плодотворным. Власть царя и императора обретала определенный священный статус, император обеспечивал единство Церкви, был поборником веры и благочестия. Ни одна из других политических форм власти не брала на себя подобных обязательств. Проект христианской империи позволил распространить христианство по всей вселенной.

В истории восточного христианства священство и царство всегда были связаны, и 1917 год стал революционным не только для России. Он явился некоей точкой перехода от эпохи христианской империи к апостасии, так как оказался годом падения последней великой монархии в истории человечества. Монархическая власть, встав на сторону христианства, фактически заставила жить по христианским нормам все народы Европы. Нельзя сказать, что реализация этого плана была бесспорной, но государство защищало и Церковь, и христианские нормы жизни, что привело к бунту человеческой природы против сверхприродного ига Церкви и монархии. Свержение монархий неслучайно повсеместно сопровождалось гонениями на церковные институты. И после свержения монархии Церковь ни в одной стране не смогла реабилитироваться и занять прежнее положение. В лице монархии Церковь Христова потеряла своего самого верного исторического союзника.

Современные либеральные политические режимы не могут выступать в этой роли, так как они основаны на противоположных ортодоксии принципах толерантности, нравственной вседозволенности, на стремлении к обогащению. Сотрудничая с ними, церковное сообщество очень сильно рискует подхватить ту же заразу. В Средневековье боже-

ственный порядок репрезентировал себя и в Церкви, и в государстве. Но современное общество на это уже неспособно, а значит, оно более не считает себя богоспасаемым — равно как и богоборческим после бурного XX века. Оно просто религиозно индифферентно.

Самым непосредственным образом падение монархии сказалось на Церкви, особенно на отношениях между иерархией и мирянами.

Характерная для христианского Востока симфония между Церковью и государством содействовала разделению церковного сообщества на мирян и клириков. То есть на тех, которые были в ведении власти епископата, и тех, которые подчинялись власти императора. Хотя эти сферы и пересекались, но разграничение было ясным и без труда прослеживается по юридическим средневековым памятникам.

Противопоставление мирян и духовенства характерно для католической экклесиологии, многие православные богословы его оспаривают (в их числе можно указать, например, религиозного философа, священника Павла Флоренского). Но на практике и в византийской, и в русской церковной истории оно — свершившийся факт. Некоторые православные богословы в XX веке указывали, что такое разделение ошибочно и ранняя Церковь его не знала. Для раннехристианского учения характерна убежденность в том, что все христиане без исключения есть царственное священство, святой народ, наделенный различными харизматическими дарами, одним из которых и является собственно священство в узком понимании. В современной же Русской православной церкви миряне не составляют реальную силу.

Такая ситуация сложилась естественным образом. В Ви-

Характерна судьба одного из первых новомучеников — митрополита Киевского Владимира (Богоявленского). В марте 1917 года он лично помогал выносить обер-прокурору Владимиру Львову царское кресло из зала заседаний Синода. При этом архиепископ Арсений Новгородский прокомментировал подобный шаг: «Вот выносят символ цезарепапизма!» Но уже в январе 1918 года митрополит Владимир был убит большевиками, причем по подстрекательству монахов Киево-Печерской лавры.

зантийской и Российской империях люди были в подавляющем большинстве членами Церкви. Неразрывная связь между властью духовной и властью светской привела к тому, что круше-

ние монархии вызвало исход народа из церковной ограды. Фактически от Церкви осталась епископская корпорация, и именно так Церковь сейчас и воспринимается многими на-

Православными являются только воцерковленные, то есть те, которые участвуют в мистериальной жизни Церкви и посещают храм хотя бы не реже раза в месяц. А таковых на сегодняшний день всего лишь несколько процентов, и показатель этот не только не растет, но и убывает.

шими соотечественниками. То есть Русская православная церковь — это Московский патриархат со всем его бюрократическим аппаратом. То, что по разным данным от 60 до 80 процентов населения РФ называют себя православными, уже никого, кроме некоторых чиновников патриархата, не вдохновляет. Ведь православными, строго говоря, являются только те, которых

принято называть воцерковленными, то есть те, которые участвуют в мистериальной жизни Церкви и посещают храм хотя бы не реже раза в месяц. Именно этот показатель является значимым. А таковых на сегодняшний день всего лишь несколько процентов, и показатель этот не только не растет, но и убывает. По нему мы, кстати, отстаем от многих европейских

стран, так что говорить о какой-либо особой религиозности россиян или религиозном возрождении в России не приходится.

Приведем конкретные данные. Если сравнить сводки ВЦИОМ за 2007 год с аналогичной статистикой за 1999 год, то православными называют себя 75 процентов. И этот показатель растет. Но количество людей, не посещающих храмы, увеличилось с 45 до 59 процентов, а доля тех, которые ходят в церковь раз в год и реже, снизилась с 29 процентов в 1999 году до 16 процентов в 2007 году. В 1999 году причастие ни разу не принимали 53 процента респондентов, в 2007 году эта группа выросла до 83 процентов, раз в год и реже причащаются 10 процентов опрошенных. И лишь 6 процентов причащаются чаще раза в год, те же 6 процентов посещают храм хотя бы раз в месяц. При этом доля крещеных достигает 76 процентов.

Почему же нет положительной динамики именно по числу постоянных прихожан, несмотря на открытие храмов и рост экономического благосостояния? Более того, сейчас наблюдается усиление негативного отношения к Церкви, причем не только среди блогеров, но и среди всех тех, которых по недоразумению называют современной интеллигенцией.

Представляется, что и в церковном менталитете существуют особенности, препятствующие адекватной реакции на вызовы времени. И сами священнослужители зачастую путают Церковь и епископат. Например, когда говорят о том, что патриарх Сергей (Страгородский) спас Русскую церковь своей декларацией 1927 года, признавшей советскую власть. Но с точки зрения традиционного богословия, Церковь не нуждается в

спасении, она сама спасет. Патриарх же Сергей спас церковную организацию, что, впрочем, не умаляет его заслуг. Если обратиться к недавним событиям, то точно так же оценивается хулиганство панк-группы Pussy Riot со всеми сопровождавшими эту провокацию выходками. Патриархат опять-таки расценил критику в адрес патриарха Кирилла как гонение на Церковь и по всем законам жанра устроил митинг в поддержку Церкви с хоругвеносцами, байкерами и прочими символами современного православия. Такая экклесиологическая тенденция на самом деле возникла не на пустом месте, так как в последние годы наблюдается усиление епископской власти, которое доходит до абсурда.

В современной Русской православной церкви фактически правами обладает только епископ, священники имеют исключительно обязанности, а у мирян вообще ничего нет — ни прав, ни обязанностей, помимо обязанности материально содержать храм, то есть покупать свечи и оплачивать требы. Анализ современного устава Русской православной церкви подтверждает это без труда. Так, в разделе, посвященном приходу, говорится о том, что «на обязанности прихожан лежит забота о материальном содержании причта и храма». Но при этом все имущество прихода является неотчуждаемой собственностью епархии, то есть епархиального архиерея, который вправе в любой момент изменить состав приходского собрания и даже распустить приход, имущество которого при этом автоматически переходит епархии. То есть получается, что миряне должны содержать приходы, обеспечивать материальное благополучие епархии, но при этом ни епархия, ни епархиальный епископ им

совершенно неподотчетны. Такое положение грозит опасностью реализации протестантского сценария, который в России может принять и ультраконсервативные черты, так как сложившиеся порядки просто провоцируют мирян на бунт. Негативные по отношению к епископату настроения в последнее время, к сожалению, только усиливаются. Процесс вокруг епископа Диомида был лишь первым тревожным сигналом.

Проблема, видимо, в огромной инерционности бюрократии Русской православной церкви, которая все еще никак не выйдет из симфонического периода. Не всякое византийское наследие является полезным само по себе. Теория симфонии работает только в условиях монархии, так как само слово «симфония» означает созвучие. Цели Церкви и православной империи были созвучны — сохранение истинной веры внутри государства и ее распространение за его пределами. Какое созвучие может быть между современной властью и Церковью? Очевидно, что современная власть не ставит перед собой цель защищать истинную веру и способствовать ее распространению. Цель власти в

мида — было провозглашено доктринальное положение о том, что Церковь одинаково относится ко всем политическим системам. Вслед за этим на патриаршем уровне неоднократно говорилось о симфонии с современной властью. Все это вкупе с тем, что ничего не делается для возрождения сословия мирян, может иметь очень опасные последствия. Критические настроения будут нарастать, станет возможным отток наиболее образованных и религиозно-заинтересованных людей в другие юрисдикции православия и даже другие религиозные деноминации. В том случае, если современная власть выстоит и сохранит стабильность, может вновь наступить «синодализация» церковной организации, но только управляться она будет не православными императорами, а либеральными чиновниками.

Возможна и просто утрата интереса к Русской православной церкви со стороны власти в случае дальнейшего падения ее общественного рейтинга. Кстати, это было бы лучшим исходом, так как в подобном случае епископы начнут-таки искать опору не в чиновниках, а в своей пастве.

Но самый худший вариант для

Самый худший вариант для Церкви как организации – падение нынешнего полулиберально-полупатриотично-полуколониального режима, так как тогда возможно повторение репрессий против духовенства и всего русского православия в целом.

идеале — рост прав и благосостояния всех граждан, на практике — отдельных граждан. Но такая цель не может быть оправдана теологически, хотя, возможно, для кого-то из церковных чиновников симфония и приносит финансовые плоды.

Но происходят изменения и в богословии. Так, на архиерейском соборе 2008 года — как раз в связи с делом епископа Дио-

Церкви как организации — падение нынешнего полулиберально-полупатриотично-полуколониального режима, так как тогда возможно повторение репрессий против духовенства и всего русского православия в целом из-за близости церковного руководства к сегодняшним правительственным и олигархическим кругам. Может быть, руководство Русской православной церкви

Сегодня единственный выход – это возрождение общин, обладающих правами, влиянием на внутрицерковную политику и участвующих в ней, в том числе и в выборах местного духовенства вплоть до епископа, как это было когда-то в ранней Церкви и в Византии.

всерьез полагает, что действующая власть Российской Федерации, подобно императору Константину или великому князю Владимиру, директивами свыше вернет народ в православие. Но это уж слишком наивно, так как для действующей власти это станет просто самоубийством. Преподавание «Основ православной культуры» в школах даст школьникам исключительно общие сведения, но не сделает их православными. Для этого необходимо воспитываться в православной среде. Строительство еще большего числа храмов также ни к чему не приведет, ибо возведение храма не ведет автоматически к формированию общины. Нельзя насаждать общины и монастыри сверху, они всегда вырастали снизу. Строительство храма в каждом городском квартале, о чем многие в Церкви ратуют, скорее приведет к тому, что церкви станут частью городского пейзажа наравне с аптеками, супермаркетами, кафе и ресторанами. Уже сейчас число храмов превышает число реальных общин в разы, если не на порядок. Понимает ли это руководство Русской православной церкви? Судя по тому, что на самом высшем уровне говорится о необходимости возрождения приходов и общинной жизни, — понимает. Но почему при этом все делается так, чтобы это возрождение пресечь? Видимо, епископат боится активности мирян и предпочитает симфонию с государственными структурами. Но представляется, что наиболее верным путем в сложившейся ситуации был бы отказ вообще от каких-либо симфоний. Теория симфонии, созданная в VI веке, во все не является догматом и работает только в монархическом обществе. Церковь жила без симфонии до монархии и может жить без симфонии

после нее, тем более что никакая симфония с властью, которая не считает себя теократической, невозможна. В современных реалиях единственный выход — это возрождение общин, причем реальных общин, обладающих правами, влиянием на внутрицерковную политику и участвующих в ней, в том числе и в выборах местного духовенства вплоть до епископа, как это было когда-то в ранней Церкви и в Византии. Епископ должен быть слугой всем, а не все должны быть рабами епископа, как это часто сейчас бывает. Такими же самоуправляющимися общинами должны быть и монастыри, кото-

Не стоит ожидать обращения всей России в православие, но формирование активного слоя мирян, возрождение истинного монашества создадут условия для того, чтобы восточнохристианская традиция не угасла в глобальном постхристианском море.

рые сейчас в большей степени, выполняют функции туристических центров и кузницы кадров. Общий рецепт сильной и процветающей власти в византийской традиции всегда сочетал жесткую иерархию и субординацию с широким самоуправлением на местах.

При этом не стоит ожидать обращения всей России в православие, но формирование активного слоя мирян, возрождение истинного монашества создадут условия для того, чтобы

восточнохристианская традиция не угасла в глобальном постхристианском море. Сейчас важнее сохранение не внешних византийских форм, но внутреннего содержания византийского христианства, выраженного в опыте духовной жизни Церкви как сообщества верных Богу. Именно религиозный опыт, выражающийся в богословии, мистике, литургике и аскетической практике, является ядром византизма, все остальное — брэнно.